

DOI: 10.28995/2227-6165-2018-2-12-27

И.Е. Печёнкин

кандидат искусствоведения,
заведующий кафедрой Истории русского искусства
факультета Истории искусства РГГУ
pech_archistory@mail.ru

О.С. Шурыгина

историк, независимый исследователь
olia85@list.ru

«ПАЛЛАДИАНСКИЙ ТЕКСТ» В БИОГРАФИИ И.В. ЖОЛТОВСКОГО

В статье рассматривается едва ли не основная линия биографии архитектора Ивана Жолтовского, которую можно назвать «палладианской легендой». Авторы считают, что эта грань популярного образа Жолтовского содержит по крайней мере три важных эпизода: а) открытие наследия Палладио для архитектуры начала XX века (то есть *обращение Жолтовского в палладианство*); б) опыт символического присвоения Палладио путём отъезда из России в самую продолжительную поездку по Италии; в) опыт символического присвоения Палладио через перевод его трактата «Четыре книги об архитектуре». Опираясь на архивные источники, авторы попытались сделать эти биографические рассказы более ясными и правдоподобными.

Ключевые слова: история архитектуры, XX век, И.В. Жолтовский, биография, архивные исследования, А. Палладио

The paper deals with hardly main subject line of architect Ivan Zholtovsky's biography that can be named as "Palladianist legend". Authors find that this well-known side of Zholtovsky popular image at least contains three important episodes: a) discovering Palladio's heritage for the architecture in the beginning of 20 century (i.e. *Zholtovsky's conversion to Palladianism*); b) experience of symbolic appropriation Palladio by the leaving out Russia for the longest Italian tour; c) experience of symbolic appropriation Palladio through the translating of "The Four Books on Architecture". Based on new archival sources authors have had tried to do these biographic tales much more clear and true.

Keywords: Architectural History, XX century, I.V. Zholtovsky, biography, archival studies, A. Palladio

«Надо было бы быть таким тонким палладианцем, как наш Жолтовский, чтобы раскрыть в каждом здании мастера глубоко обдуманную композицию масс и комбинацию уровней, игру интервалов и расстановку окон, с помощью которой достигается непогрешимое, безупречное, никогда и никем не достигнутое в такой мере, зрительное впечатление единства» [Муратов, 2005, с. 396-397].

Сентенция Павла Павловича Муратова (1881-1950), автора, пожалуй, наиболее значительной русской книги о художественных сокровищах Италии, в предельно лаконичной форме описывает восприятие роли И.В. Жолтовского как своего рода посредника между отечественной архитектурой и профессиональной культурой зодчих итальянского Ренессанса. «...Молва создала (Жолтовскому – авт.) образ непримиримого классика и палладианца, колдующего над пыльными трактатами далёкого прошлого», – констатировал ещё при жизни мастера близко знавший его теоретик искусства А.Г. Габричевский [Габричевский, 1946, л. 7]. За несколько лет до этого, в 1936 году в серии «Классики теории архитектуры», редактором которой являлся Александр Георгиевич, увидел свет

© Печёнкин И.Е., Шурыгина О.С., 2018

I.E. Pechenkin, O.S. Shurygina
 “Palladian Text” in I.V. Zholtovsky Biography

первый полный перевод на русский язык главного трактата А. Палладио «Четыре книги об архитектуре»; в качестве переводчика на титульном листе издания указан *академик архитектуры И.В. Жолтовский* [Палладио, 1936] (рис. 1). В истории отечественной архитектуры случаи, когда практикующий зодчий выступал в роли переводчика зарубежного теоретического труда, весьма редки. На ум естественным образом приходит пример Н.А. Львова, пытавшегося в конце XVIII века издать на русском языке тот же трактат Палладио, но не осуществившего вполне свой замысел [Львов, 1798]. Следующими, пожалуй, будут Н.В. Султанов, который в конце 1870-х годов оперативно перевёл книгу Э.Э. Виолле-ле-Дюка о русском искусстве [Виолле-ле-Дюк, 1879], и Н.С. Курдюков с переводом «Истории архитектуры» Огюста Шуази, увидевшим свет в самом начале XX столетия [Шуази, 1906-1907]. Перевод Палладио Жолтовским выглядит из ряда вон выходящим событием не только на фоне работ Султанова и Курдюкова, переведивших труды своих современников. Дело в том, что все прочие переводы для академической серии «классиков» (Витрувия, Альберти, Вазари, Виньолы) выполнены лингвистами и искусствоведами – В.П. Zubовым, Ф.А. Петровским, А.И. Венедиктовым, самим А.Г. Габричевским. Работа с латинскими и итальянскими текстами являлась для них, университетских гуманитариев, частью профессиональной рутины, тогда как в случае Жолтовского она обретала совершенно особый смысл, превращаясь в акт присвоения современным зодчим-практиком наследия ренессансной культуры.

Репутация Жолтовского как теоретика архитектуры и искусства складывалась уже в период его зрелости, который пришёлся на первые послереволюционные годы. Между изданием в Берлине полного текста «Образов Италии», в третий том которых вошла главка о Виченце с упоминанием Жолтовского (1924), и публикацией переведённого трактата Палладио в СССР лежит более десяти лет. Выступая 14 декабря 1926 года с докладом об античном мышлении в архитектуре на заседании Философского отделения ГАХН [Жолтовский, 2017, с. 541-542], Жолтовский отзывался о Палладио как о мастере, который «только иногда приближался к высоте античных достижений архитектуры», а единственным подлинным классиком эпохи Ренессанса называл Ф. Брунеллески. Это суждение, высказанное Жолтовским вскоре по возвращении из трёхлетнего пребывания в Италии, свидетельствует о том, что кредо его отнюдь не сводилось к апологии палладианства. По собственному признанию, Жолтовский «не выставлял каких-либо теоретических положений, а опирался только на свой личный вкус и опыт художника-зодчего» [Жолтовский, 2017, с. 542; Бюллетени ГАХН, № 6-7, с. 34-35]. Но уже в мае 1927 года он выступил с новым докладом под

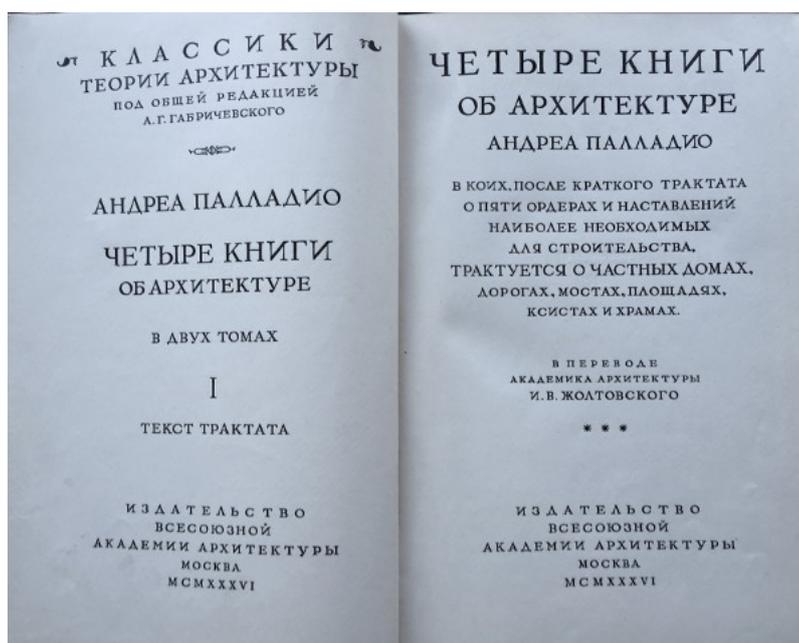

Рис. 1

Контртитул и титульный лист советского издания трактата А. Палладио «Четыре книги об архитектуре» 1936 года с указанием И.В. Жолтовского в качестве автора перевода.

И.Е. Печёнкин, О.С. Шурыгина

«Палладианский текст» в биографии И.В. Жолтовского

названием «Принципы архитектурного мышления у Палладио», о содержании которого можно судить по краткому резюме, помещённому в «Бюллетене ГАХН». На этот раз от скромной позиции вдумчивого практика Жолтовский решительно отказался: «Докладчик путём анализа многочисленных иллюстраций вскрыл принципы архитектурной формы Ренессанса. Анализ имел как общетеоретическое, так и сравнительно-историческое значение. Архитектурные формы Палладио были поставлены в связь с античными. Деятельность Палладио была рассмотрена в соотношении с его предшественниками и последователями» [Бюллетени ГАХН, 1927, № 8-9, с. 20]. Эволюция Жолтовского в теоретика и историка ренессансной архитектуры свершалась стремительно, так что издание чуть менее чем через десятилетие спустя его перевода главного труда Палладио может показаться закономерным её итогом. Однако не будем торопиться с выводами.

1900-е: обращение

Ни один экскурс в биографию Жолтовского не обходится без сообщения о значительном количестве и регулярности его поездок в Италию. Вместе с тем, точное число этих вояжей остаётся не выясненным. Так, М.И. Астафьева-Длугач и Ю.П. Волчок писали о в общей сложности 26, не называя источник этих сведений [Астафьева-Длугач, Волчок, 1988, с. 50]. В автобиографических материалах Жолтовского, выявленных О.С. Шурыгиной, сам архитектор пишет о 36 поездках за рубеж, в ходе которых «объездил все страны Европы с целью изучения архитектуры» [РГАЛИ, ф. 2073, оп. 7, ед. хр. 34, л. 27]. Если предположить, что европейское путешествие 1923-1926 годов было для почти шестидесятилетнего мастера последним, то, даже начав свои поездки в 1890-х (то есть в пору учёбы в Императорской Академии художеств), для соответствия указанной им самим цифре он должен был совершать их ежегодно. Поскольку у нас имеются основания думать о том, что между 1917 и 1923 годами Жолтовский не покидал большевистской России, частота дореволюционных поездок должна была быть ещё выше. И, разумеется, нельзя считать, что целью всех этих вояжей служила именно Италия.

На вопрос о том, когда состоялась первая поездка Жолтовского на Апеннины, уверенно ответить нельзя. Г.К. Лукомский писал в 1913 году: «Паломничество в город Палладио, начатое Жолтовским, не прошло даром для истории эволюции нового зодчества Петербурга» [Лукомский, 1913, с. 18]. Очевидно, «паломничество» это имело место в более ранние годы, ведь и павильон московского Скакового общества (1903-1906), и «палладианские» загородные усадьбы, и особняк Г.А. Тарасова, в котором Жолтовский процитировал боковой фасад вичентийского палаццо Тьене (1909-1912), провоцируя обвинения в прямом плагиате, уже несли в своей архитектуре отпечаток увиденного в Виченце и её окрестностях. Из архивных источников мы знаем, что в апреле 1903 и зимой 1903-1904 годов Жолтовский посещал Италию вместе с художником И.И. Нивинским [РГАЛИ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 3147, л. 28, 36; ф. 2028, оп. 1, ед. хр. 98, л. 3, 3 об.]. По всей видимости, поездка была связана с работой над павильоном Скакового общества, интерьеры которого выдержаны в ренессансном стиле. Из материалов личного дела Жолтовского как преподавателя Строгановского училища видно, что с мая по сентябрь 1902 года он тоже был в заграничном отпуске [РГАЛИ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 3147, л. 21а, 47]. Маршрут этого путешествия неизвестен, хотя по срокам оно совпадает с работой Первой международной выставки современного декоративного искусства в Турине. Выставка стала одним из ключевых событий в истории европейского модерна, к которому в начале 1900-х годов российские художники питали необычайный интерес. Достаточно вспомнить о прошедшей зимой 1902-1903 годов московской «Выставке архитектуры и художественной промышленности нового стиля» с участием Й.-М. Ольбриха и Ч.Р. Макинтоша. Новые течения искусства должны были волновать Жолтовского, представившего на московскую выставку свои акварели, снискавшие похвалу в профессиональной печати [Дмитриев, 1903]. Одним словом, Туринская выставка вполне могла стать поводом для его вояжа в северную Италию летом 1902 года.

Имея в своём распоряжении достаточно времени, наш путешественник имел возможность побывать и в области Венето, знаменитой не только венецианскими памятниками, но и многочисленными сельскими виллами. В частично опубликованных А.В. Фирсовой воспоминаниях архитектора В.В. Васильевой, работавшей в мастерской Жолтовского в 1950-х годах и записывавшей с его слов, есть такой фрагмент: «...По окончании Академии Жолтовский путешествовал по Италии. Он ехал в поезде из Милана в Венецию и читал произведение Гёте “Путешествия по Италии”. Именно благодаря этой книге и великолепным текстам немецкого поэта он вдруг решает изменить свой маршрут и направляется в Виченцу, на родину Палладио» [Фирсова, 2004, с. 35]. Спонтанность решения задержаться в Виченце (к слову, для этого Жолтовскому не надо было куда «направиться», стоило лишь сойти с поезда раньше пункта назначения) вполне отвечает нашей гипотезе. Чуть далее на страницах воспоминаний Васильева цитирует собственные слова Жолтовского: «О Палладио я узнал от Гёте. Так несколько ярких, умных страниц великого поэта и мыслителя открыли мне новый мир в искусстве, дали направление всей моей творческой жизни» [там же].

Конечно, нельзя поверить в то, что Жолтовский, отучившийся в Академии в общей сложности одиннадцать лет, ничего не знал о Палладио. Иное дело, что значимость творений этого мастера была не столь очевидна для учёного взгляда эклектиков, уравнивших эпохи и стили прошлого перед лицом современности. С началом нового столетия ситуация стала существенно меняться. Влечение к *культуре*, в целом характерное для Серебряного века, выразилось в новом обращении к Италии и её художественным сокровищам. Памятуя о литературоцентризме русской культуры, нельзя удивляться тому, что «возвращение» Италии в её орбиту происходило в первую очередь благодаря писателям, среди которых можно назвать близких П.П. Муратову Б.К. Зайцева и М.А. Осоргина, живших в Италии в 1900-1910-х годах. В то же время в Московском университете выдвинулась целая плеяда молодых интеллектуалов (выпускников и отчасти преподавателей), избравших своей специальностью искусство и литературу античности и Ренессанса – А.Г. Габричевский, Б.Р. Вишпер, А.К. Дживелегов, С.В. Шервинский и другие. В мае 1918 года в Москве состоялось первое собрание общества “Studio Italiano”, которое Б.К. Зайцев определял впоследствии как «нечто вроде самодеятельной академии гуманистических знаний» [Зайцев, 1993, с. 404; Комолова, Северцева, 2000; Acattoli, 2013]. По-видимому, Жолтовский входил в этот круг итальянофилов, конкретное подтверждение этому будет приведено ниже. Нельзя преувеличивать и одиночества Жолтовского в его профессиональной заинтересованности виллами Палладио. В 1909 году была издана монография Ф. Бургера с подробным архитектуроведческим анализом некоторых из них [Burger, 1909]. Совокупность факторов и событий привела к осознанию Жолтовским возможности и необходимости внедрения в архитектурную практику его времени форм и приёмов итальянского Ренессанса XVI века. Важно и то, что заказчик (ведь практически все дореволюционные постройки Жолтовского – это частные особняки и усадьбы) разделял эту убеждённость зодчего.

Мы далеки от того, чтобы согласиться с С.О. Хан-Магомедовым в приписывании Жолтовскому дореволюционной поры роли «некоего контролёра художественного уровня русской архитектуры» [Хан-Магомедов, 2010, с. 43, 53]. Несмотря на хвалебные (хотя и редкие) отзывы в печати и присуждение звания академика архитектуры в 1909 году¹, есть больше оснований полагать, что творчество Ивана Владиславовича воспринималось коллегами не эталоном профессионализма и вкуса, а некой «вещью-в-себе». Например, в дневнике А.Н. Бенуа за 1916 год встречаем такую запись: «Чай пил у Щусева. <...> Возвращались пешком с Жолтовским, и ещё полчаса он держал меня на морозе перед моими воротами, развивая свои мысли о классике. Не без польского “гениальничания”, но всё же, как интеллигент, как вкус – это явление совершенно замечательное» [Бенуа, 2016, с. 310].

¹ Кандидатура Жолтовского была предложена А.В. Щусевым, А.И. фон Гогеном и Ф.Г. Беренштамом. Количество голосов, поданных за Жолтовского, было 26 (3 голоса – принадлежали Беренштаму, фон Гогену и Щусеву, 6 – отсутствующим членам Собрания, и 15 присутствующим), «против» – 11 [РГИА, ф. 789, оп. 19, ед. хр. 184, л. 104, 105, 111 об].

И.Е. Печёнкин, О.С. Шурыгина

«Палладианский текст» в биографии И.В. Жолтовского

Из приведённой цитаты отлично видно, что Жолтовский не мог стать широко востребованным зодчим. А потому занял специфическую нишу «архитектора миллионеров» [Архитектурная Москва, 1911, с. 8]. Число построек Жолтовского, реализованных им за полтора десятилетия самостоятельной практики до 1917 года, измеряется единицами. Малопримечательными были и его успехи на ниве педагогики. Покинув в 1904 году Строгановское училище из-за разногласий с его директором Н.В. Глобой [РГАЛИ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 3147, л. 51, 52], Жолтовский спустя десять лет безуспешно баллотировался на должность «профессора искусств» в Высшем художественном училище ИАХ [РГИА, ф. 789, оп. 19, ед. хр. 1824, л. 118, 133].

Зато при большевиках карьера Ивана Владиславовича резко пошла вверх. Причины этого остаются одной из главных тайн биографии Жолтовского. Уже весной 1918 года первый нарком просвещения А.В. Луначарский в своей записке, адресованной В.И. Ленину, даёт Жолтовскому самую лестную рекомендацию (см. подробнее [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 11 примеч.]). Знакомства в верхах советского государства обеспечили архитектору не только возможность работать по специальности, но и весьма комфортные бытовые условия на фоне экономической катастрофы и политического террора первых лет советской власти². Жолтовский становится служащим архитектурного подотдела Наркомпроса, занимает должность старшего зодчего Архитектурно-художественной мастерской Моссовета, преподаёт во Вторых Свободных государственных художественных мастерских (с 1920 года – во ВХУТЕМАСе); наконец, возглавляет архитектурную секцию РАХН (после 1924 года – ГАХН) [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 67-68].

Здесь мы снова подходим к моменту превращения практикующего архитектора в историка и теоретика. Причём, теоретика своеобразного. А.Н. Бенуа признаётся, что в том же 1916 году подбивал Жолтовского «написать книгу собственных взглядов» [Бенуа, 2016, с. 310]. Но ни тогда, ни позднее тот его совету не последовал. «Теория Жолтовского» существует в устных и письменных апокрифах, в более или менее компетентных интерпретациях; её в своём очерке старался сформулировать А.Г. Габричевский. Собственные же тексты Жолтовского, не превышающие объёма газетной статьи, едва ли могут считаться изложением оригинального взгляда на профессию. Складывается впечатление, что амплуа *архитектурного интеллектуала* было для Жолтовского элементом тактики выживания в нелёгких условиях первого советского десятилетия, когда экономические трудности свели к минимуму строительную практику, а натиск «левой» молодёжи грозил представителям старой школы полным вытеснением из профессии. В этой ситуации одним из спасительных сценариев становилось бегство, и Жолтовский, кажется, опробовал его.

1920-е: бегство?

Осенью 1922 года Жолтовский обратился в Президиум ВЦИК СССР и был принят лично А.В. Енукидзе. О предмете их кремлёвского разговора мы узнаём из записки Жолтовского, сохранившейся в архивном деле [ГАРФ, ф. Р3316, оп. 31, ед. хр. 91]. Им была высказана идея о необходимости приобретения советским правительством знаменитой виллы Ротонды близ Виченцы с целью размещения в ней Русского художественного института в Италии, по примеру Французской академии искусств на вилле Медичи и аналогичных художественных резиденций других стран. Жолтовский обстоятельно изложил своё видение вопросов финансирования планируемого института. Он сообщал, что мысль об учреждении такового возникла у него задолго до революции, что лишь косность старого режима не позволила ей воплотиться в жизнь, но что именно для материального обеспечения Русского художественного института в те времена им было приобретено лесное имение в Нижегородской губернии. Теперь Жолтовский предлагал советскому руководству принять эти угодья в качестве доли уставного капитала фонда, который надлежало специально создать для финансирования института. Кроме того, Жолтовский передавал в счёт того же фонда свою личную библиотеку, включавшую уникальные архитектурные издания.

² Показателен в этом смысле эпизод с безуспешной попыткой реквизирувать у Жолтовского его личный автомобиль в 1918 году [РГАЛИ, ф. 2423, оп. 1, ед. хр. 163, л. 1, 8 об.].

Вилла Ротонда является едва ли не главным шедевром Палладио. Как формулирует современный эссеист, «при взгляде на этот уникам, безапелляционно сияющий счастьем и красотой, у любого архитектора учащается сердцебиение» [Смирнов, 2018, с. 268]. Иван Владиславович, разумеется, не составлял исключения. Однако не стоит преувеличивать сентиментальности его намерений. Вилла действительно представала перед русскими путешественниками в начале XX века преданной запустению, «ушедшей от надобностей жизни» [Щербатов, 2000, с. 233] и была выставлена на продажу, но уже в 1912 году она стала собственностью семьи Вальмарана, владеющей соседней виллой Ай-Нани. Несомненно и то, что в экономических реалиях начала 20-х затея Жолтовского выглядела полнейшей авантюрой. По крайней мере, коллегия Наркомпроса, рассмотрев вопрос, в очень скором времени пришла именно к такому заключению, сообщив о несвоевременности учреждения Русского художественного института «по состоянию финансов республики» [ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 1021, л. 3, 7]. Был ли сам Жолтовский столь простодушным, чтобы искренне верить в возможность предприятия? Зато его инициатива по передаче государству принадлежавших ему земель и книжного собрания заставляют думать о желании избавиться от переставших быть полезными обременений. А знаменитая вилла и само имя Палладио видятся здесь легендой, которую Жолтовский был намерен использовать для своего выезда из России под благовидным предлогом.

О том, что такое настойчивое желание у Жолтовского было, свидетельствует дальнейшее развитие событий. Крах затеи с организацией Русского художественного института не остановил его, а заставил искать другие основания и альтернативные источники денежных средств для путешествия. Первая часть проблемы была решена через Академический центр Наркомпроса (т.е. благодаря знакомству с Луначарским): осенью 1923 года Жолтовский отправился в научную командировку как исследователь архитектуры; жена, Вера Алексеевна, брак с которой он заключил незадолго до поездки, была оформлена в качестве личного секретаря [РГАЛИ, ф. 941, оп. 10, ед. хр. 27, л. 7]³. Необходимые денежные средства, по-видимому, появились у Жолтовского благодаря гонорару, полученному за работы по проектированию сооружений Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 года (по свидетельству сотрудника Жолтовского С.Н. Кожина, Иван Владиславович потребовал, чтобы оплата была произведена ему непременно в иностранной валюте [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 67, 120]).

Д.С. Хмельницкий, автор наиболее свежей монографии о Жолтовском, склонен считать поездку 1923-1926 годов неудавшейся попыткой эмиграции архитектора, которую объясняет усилившимся напором со стороны конструктивистов [Хмельницкий, 2015, с. 152; Хмельницкий, Багина, 2011, с. 537-538]. Смена состава архитектурной подсекции РАХН, в которую после отъезда Жолтовского вошли «левые», истолковывается Хмельницким как доказательство идеологического поражения Жолтовского, хотя последовательность событий в пользу этого не говорит, она обратная: сначала отъезд, а потом кадровые перестановки. Скорее всего, Жолтовский руководствовался примером своих знакомых по “Studio Italiano”. Кружок прекратил своё существование в 1922 году, после того, как Муратов и Осоргин, а вслед за ними и Зайцев покинули Россию [Комолова, Северцева, 2000, с. 185]. В литературе можно встретить упоминания о том, что последовать их примеру намеревался и Габричевский [Комолова, 2004, с. 416]. Не слишком преувеличивая, можно сказать, что это было время массового исхода интеллигенции, осознававшей себя частью старой культуры и в широком смысле академической традиции. В этот контекст «командировка» Жолтовского вписывается идеально, тем более что имела место практика невозвращения советских подданных из

³ Жолтовский был женат не менее четырёх раз. Женившись на А.К. Смаровской в 1900 году, он вскоре покинул Петербург, так что ни о каком «семейном очаге» не могло быть и речи, хотя до 1917 года брак оставался действительным. Около 1910 года гражданской женой Жолтовского становится Елизавета Павловна Рябушинская (1878-1921?). В 1921 году Жолтовский женится на Вере Алексеевне Зотовой (1896-19??), выпускнице Строгановского училища и служавшей Наркомпроса (ГАРФ, ф. А2314, оп. 7, ед. хр. 34: «Личное дело художника-чертёжника редакционно-методического отдела Жолтовской Веры Алексеевны»; РГАЛИ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 3394: «Дело о помещении в число учениц училища Зотовой Веры Алексеевны»). По возвращении в СССР, в 1927 году он вновь и в последний раз женился – на пианистке Ольге Фёдоровне Смышляевой (1890-1962).

И.Е. Печёнкин, О.С. Шурыгина

«Палладианский текст» в биографии И.В. Жолтовского

официальных командировок. Как мы увидим, будучи в Италии, Жолтовский контактировал с будущими «невозвращенцами» Е.Д. Шором и В.И. Ивановым; в Берлине он виделся с Сергеем Павловичем Рябушинским, которому рассказывал о шаткости большевистского строя в России [Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2 об]. Словом, по-настоящему интригующий вопрос заключается не в понимании того, почему Жолтовский уехал, а в том, почему он потом вернулся.

О перемещениях и занятиях Жолтовского за границей мы знаем главным образом из его переписки с Евсеем Давидовичем Шором, частично опубликованной и проанализированной в статье Н.М. Сегал (Рудник) [Сегал, 2013]. Шора с Жолтовским связывала совместная работа в Наркомпросе и РАХН, а с 1922 года Шор находился в Италии в научной командировке. Итак, в дорогу чета Жолтовских выдвинулась ориентировочно в сентябре 1923 года, и их долгий путь в Италию, сопряжённый с ожиданием необходимых виз, пролегал для них через Петроград, Хельсинки, Стокгольм, Берлин и, вероятно, Вену. В Италии предметом интереса Жолтовского стали художественные издания и издательства в Бергамо, что вполне соответствует задачам командировки, в которые входило приобретение литературы по искусству и архитектуре [РГАЛИ, ф. 941, оп. 10, ед. хр. 27, л. 7]. Далее Жолтовский направился на юг, в Тоскану и Рим, чтобы заняться обмерами интересных для него памятников. Получив итальянские автомобильные права, он имел возможность более свободного передвижения и не зависеть от железной дороги. Примечательно, что в письмах к Шору Жолтовский ничего не говорит о своей жене. В СССР он возвратится также один. Таким образом, судьба Веры Алексеевны Жолтовской остаётся загадкой.

Известно, что во Флоренции Жолтовский встречался с Шором [Сегал, 2013, с. 58], а из Рима с ним же и Вяч. Ивановым совершил автомобильную прогулку в Капраролу, на виллу Фарнезе [Переписка Иванова с Шор 2001, с. 2013]. В РГАЛИ, среди бумаг архитектора В.Д. Кокорина, нами была обнаружена «Карта путешествия И.В. Жолтовского по Италии» [РГАЛИ, ф. 2774, оп. 1, ед. хр. 114, л. 2; Печёнкин, Шурыгина 2017, с. 88-89], не имеющая даты, но с большой долей вероятности показывающая именно маршрут поездки 1923-1926 годов (рис. 2). В центральной и северной Италии Жолтовский занимался сбором визуальных материалов по городской и сельской архитектуре: он фотографировал, обмерял и зарисовывал постройки, сообщая Шору, что эта работа «пригодится

Рис. 2
Карта путешествия И.В. Жолтовского по Италии 1920-х(?) годов.

I.E. Pechenkin, O.S. Shurygina
“Palladian Text” in I.V. Zholtovsky Biography

для будущих больших хозяйств в России» (цит. по: [Сегал, 2013, с. 58]). Эта формулировка плохо вяжется с гипотезой о желании Жолтовского навсегда остаться за рубежом, если только не допустить его неискренности в отношении своего корреспондента. Однако есть и более веский аргумент против предположения об эмиграции Жолтовского. Дело в том, что на протяжении всей командировки источником его средств оставался доход от сдачи московской квартиры и гонорары, получаемые от советских ведомств. Будучи в Италии, он разрабатывает проект советского павильона для Миланской ярмарки 1926 года. Квартира в итоге оказалась реквизирована [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 117], но тем не менее в апреле 1925 года Жолтовский в одном из писем осторожно просит Шора разузнать через родных о том, на каком счету он находится в Москве [Сегал, 2013, с. 62].

Сказанное не исключает того, что первоначально у Жолтовского, по-видимому, имелось большое стремление покинуть Россию, обескровленную Гражданской войной. Но чем объяснить отсутствие со стороны Ивана Владиславовича попыток интегрироваться в эмигрантскую среду, социализироваться в чужой стране подобно П.П. Муратову, В.И. Иванову или Е.Д. Шору? Скорее всего, за решением возвратиться в Москву, которое принял Жолтовский после трёхлетнего пребывания в Италии, стоит видеть, так сказать, профессиональный мотив. В отличие от литераторов и филологов-славистов, архитектору-иностранцу было практически невозможно влиться в архитектурное сообщество фашистской Италии⁴. Возможно, в начале 20-х у Жолтовского были некоторые иллюзии на этот счёт. Но очень скоро выбор между профессиональным небытием в Италии и перспективой быть востребованным в России стал для него очевидным.

1930-е: текст

Как уже было сказано, по возвращении из своего итальянского путешествия Жолтовский довольно быстро оказался в амплу теоретика и историка архитектуры. Собранный им богатый фактический материал служил надёжной опорой в этом. Массовая перестройка институций на рубеже 1930-х годов затронула и сферу архитектурного образования. В результате слияния архитектурного факультета ВХУТЕИНа с архитектурным отделением инженерно-строительного факультета МВТУ был образован Архитектурно-строительный институт (АСИ), после 1933 года реорганизованный в Московский архитектурный (МАИ, затем МАрХИ) [Архитектурные школы Москвы 2002, с. 5-12]. В 1932 году Жолтовскому было присвоено звание заслуженного деятеля науки и искусства РСФСР, годом позже он был назначен руководителем мастерской № 1 Арплана (Архитектурно-планировочных мастерских Моссовета) [Ощепков, 1955, с. 12].

В архитектуре конца 20-х начала 30-х Жолтовский выступает последовательным антимодернистом: его проекты содержат явные отсылки к шедеврам прошлого – палаццо Дожей в Венеции (проект Военной школы ВЦИК в Московском Кремле), замку в Капрароле (проект Дома Советов в Махачкале), римскому Колизею (конкурсный проект Дворца Советов в Москве). Пожалуй, вершиной советского палладианства в исполнении Жолтовского стал Дом Управления уполномоченного ВЦИК в курортном Сочи, где он даёт оригинальную интерпретацию виллы Барбаро с включением элементов барокко [Бархин, 2015, с. 26].

Впрочем, смысл архитектурной практики Жолтовского 1930-х годов было бы неверно трактовать как непрекращающийся оммаж титанам итальянского Ренессанса. Проектируя жилой дом на Моховой улице, Жолтовский обратился в первую очередь не к традициям Возрождения, а к полузабытым уже принципам дореволюционного домостроения. Главный фасад, решённый в пропорциях вичентийской Лоджии дель Капитанио, был отсылкой не столько к постройке Палладио, сколько к доходному дому К.В. Маркова на Каменноостровском проспекте в Петербурге (арх. В.А. Щуко, 1908-1910). Для советской Москвы такой имперский неоренессанс оказался сенсацией и

⁴ Для работы и получения заказов следовало вступить в Союз фашистских архитекторов (Sindacato nazionale fascista architetti), что было неосуществимо без итальянского диплома об образовании. Здесь мы находим возможным сослаться на точку зрения своей коллеги А.Г. Вяземцевой, специалиста по архитектуре Италии эпохи Муссолини. Даже русские эмигранты-архитекторы Л.М. Браиловский (соученик Жолтовского по Академии) и А.Я. Белобородов, судьбы которых сложились за рубежом сравнительно благополучно, работали в Италии почти исключительно как художники-живописцы и графики.

И.Е. Печёнкин, О.С. Шурыгина

«Палладианский текст» в биографии И.В. Жолтовского

«плодом большого мастерства, большой архитектурной культуры» [Жилой дом на Моховой, 1934, с. 19]. Представления о качественной архитектуре на семнадцатом году революции ничем не отличались от буржуазных вкусов, но подобное ремесло было неведомым первому поколению советских зодчих – выпускников ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа и подобных учебных заведений. Если для больших строек первой пятилетки большевикам пришлось рекрутировать иностранных специалистов [Боденшатц, Пост 2015, с. 35-67], то для перепланировки столицы и создания элитарного жилья и обустройства столицы им пришлось апеллировать к мастерам старой академической выучки. Как отмечает К. Кларк, «новая Москва» стала во многих отношениях перемещённым в пространстве «старым Петербургом» – городом величественных фасадов, больших площадей, гранитных набережных, статуй и грандиозных перспектив» [Кларк, 2018, с. 173]. Именно для того, чтобы в формате постдипломного образования переучивать вчерашних вхутемасовцев в духе академических традиций конца XIX–начала XX века, в 1933 году была создана Всесоюзная Академия архитектуры (ВАА) с Институтом аспирантуры при ней. С.Н. Кожин вспоминает, что Л.М. Каганович лично предлагал возглавить Жолтовскому Академию или Институт аспирантуры, но тот дипломатично отклонил эти предложения, сославшись на возраст [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 110]. Жолтовский, кажется, старательно избегал официальных должностей, хотя его значимость в глазах советских функционеров только росла. Впрочем, контекст этого успеха весьма драматичен.

В ноябре 1929 года вышло постановление Коллегии Наркомпроса, давшее начало реорганизации ГАХН, на деле превратившейся в чистку её аппарата [Якименко, 2018, I, с. 317]⁵. Был арестован А.Г. Габричевский, покровительствовавший теоретическим опытам Жолтовского и приютивший его в фамильном особняке в Вознесенском переулке, где архитектор прожил до конца дней. Всякий эксперимент в художественной теории и практике становился делом риска. Спасение можно было найти в тихой кабинетной работе по изучению классиков, благо что начавшаяся реставрация академизма требовала включения в современный обиход теоретических трактатов прошлого. Была запущена программа по переводу на русский язык и изданию важнейших архитектурных трактатов эпохи Возрождения и Нового времени, в том числе «Четырёх книг...» Палладио. Инициатором этой работы выступил А.Г. Габричевский, который после разгона ГАХН и ареста получил, благодаря Жолтовскому, возможность преподавательской и научной работы в МАИ и Институте аспирантуры ВАА [Александр Георгиевич Габричевский, 2011, с. 713-714].

Весной 1935 года Габричевского арестовали повторно, на этот раз с более серьёзными последствиями – высылкой в Каширу и лишением «права проживания в режимных пунктах сроком на 3 года» [там же, с. 256]. В письме от 21 июня 1935 года, адресованном Кагановичу, Жолтовский просит могущественного адресата оставить Габричевского в Москве, называя его «переводчиком Palladio, Alberti и т.д.» [там же, с. 257]. Ходатайство удовлетворено не было, а кроме того, по правилам времени, имя репрессированного человека вымарывалось цензурой из выходных данных изданий. Это значит, что выходным данным книг, выпущенных в 30-х – начале 50-х годов, просто нельзя верить.

«Где-то в Италии, – пишет в своих воспоминаниях С.Н. Кожин, – у старьёвщика, он (Жолтовский – авт.) купил эскизы пером Рафаэля, приобрёл один из четырёх экземпляров первого оригинального однотомного издания книги Палладио об архитектуре с полями, испещрёнными собственноручными пометками этого гениального зодчего (остальные три экземпляра находятся в музеях)» [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 116]. Речь идёт об издании 1570 года, отличающемся от последующих несколько меньшим форматом. Подразумевается, что именно этот экземпляр стал источником перевода, выпущенного ВАА в 1936 году. Но вопрос о том, в чём именно переводе опубликован текст трактата, является крайне запутанным. Даже если допустить, что Жолтовский в зрелые годы овладел итальянским языком (в Пинском и Астраханском реальных училищах он изучал только немецкий [Печёнкин, Шурыгина, 2017, с. 18-19]), то для работы с оригинальным текстом XVI

⁵ Из переписки А.Г. Габричевского следует, что «травля Академии и отдельных её членов» имела место уже в начале 1929 года [Александр Георгиевич Габричевский, 2011, с. 181].

I.E. Pechenkin, O.S. Shurygina
"Palladian Text" in I.V. Zholtovsky Biography

века одного этого навыка было бы недостаточно. Гораздо естественнее представить за таким занятием гуманитария с классическим университетским образованием, нежели практикующего зодчего. Иначе говоря, логичнее думать о том, что над переводом «Четырёх книг об архитектуре» трудился Габричевский, как об этом пишет сам Жолтовский, обращаясь к Кагановичу. Известно, что перевод трактата должен был стать частью двухтомника, во втором томе которого предполагалось поместить монографический труд о Палладио, написанный Габричевским, – научный комментарий к тексту трактата и самим постройкам Палладио; анализ обмеров построек, нередко расходящихся с проектами; библиографию и хронологический каталог всех произведений Палладио (в том числе, не вошедших в «Четыре книги...»). Волею судеб второго тома не случилось (см. подробнее: [Северцева, 2000]).

Есть в истории с переводом трактата Палладио и ещё один нюанс. В фонде ГАХН в РГАЛИ нами было обнаружено дело, озаглавленное как «Перевод неустановленного лица книги Андрея Палладио "О древних городах". Машинопись» и состоящее из 93 листов [РГАЛИ, ф. 941, оп. 2, ед. хр. 8]. Как выяснилось, в действительности внутри дела находятся фрагменты двух разных текстов, первый из которых начинается со слов «ПЕРВАЯ КНИГА ОБ АРХИТЕКТУРЕ. АНДРЕЯ ПАЛЛАДИО», а второй снабжён титульным листом с заголовком «ДРЕВНОСТИ РИМА. АНДРЕЯ ПАЛЛАДИО». Надо пояснить, что в личном фонде Жолтовского в том же РГАЛИ хранится полный машинописный текст перевода «Четырёх книг...» [РГАЛИ, ф. 2423, оп. 1, ед. хр. 4]. Как показал сравнительный анализ, вступительная часть перевода из личного фонда полностью идентична тексту из фонда ГАХН, тогда как изданная версия текста несколько отличается:

Вариант перевода из РГАЛИ

«ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Побуждаемый прирождённой склонностью, я отдался с ранних лет изучению Архитектуры; а так как я всегда был того мнения, что в умении хорошо строить, равно как и в многих других делах, древние римляне превосходили всех, кто был после них, то я избрал себе учителем и руководителем ВИТРУВИЯ – единственного писателя древности по этому искусству. Исследуя остатки античных построек, дошедших до нас вопреки времени и опустошениям варваров, я нашёл их гораздо более достойными внимания, чем я думал до того, а потому стал их обмерять во всех подробностях, с чрезвычайной точностью и величайшей старательностью. <...>» [РГАЛИ, ф. 941, оп. 2, ед. хр. 8, л. 1, 17 (начальный фрагмент перевода содержится в деле в двух экземплярах)].

Благодаря этой находке, становится ясно, что работа над переводом трактата Палладио проводилась ещё до разгрома ГАХН, учреждения ВАА и, соответственно, появления книжной серии «Классики теории архитектуры». Разумно было бы предположить, что материалы этого дела попали в ГАХН в конце 1920-х годов, когда Жолтовский начал систематически участвовать в её работе. Однако в архивной описи дело датировано 1925 годом, то есть временем, когда Жолтовский находился в Италии. На титульном листе «Древностей Рима» есть надпись: «Перевод с итальянского Е.П. Рябушинской. 1919 год. Москва» [РГАЛИ, ф. 941, оп. 2, ед. хр. 8, л. 33] (рис. 3). Речь идёт о представительнице знаменитого клана промышленников и банкиров Елизавете Павловне Рябушинской, которая после неудачного брака с А.Г. Карповым стала гражданской женой

Вариант перевода, изданный в 1936 г.

«ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Побуждаемый прирождённой склонностью, я отдался с юных лет изучению архитектуры; а так как я всегда был того мнения, что в строительном искусстве, равно как и в других делах, древние римляне далеко превосходили всех, кто был после них, я избрал себе учителем и руководителем Витрувия, единственного писателя древности по этому искусству, принялся исследовать остатки античных построек, дошедших до нас вопреки времени и опустошениям варваров, и, найдя их гораздо более достойными внимания, чем я думал до того, я стал их обмерять во всех подробностях, с чрезвычайной точностью и величайшей старательностью. <...>».

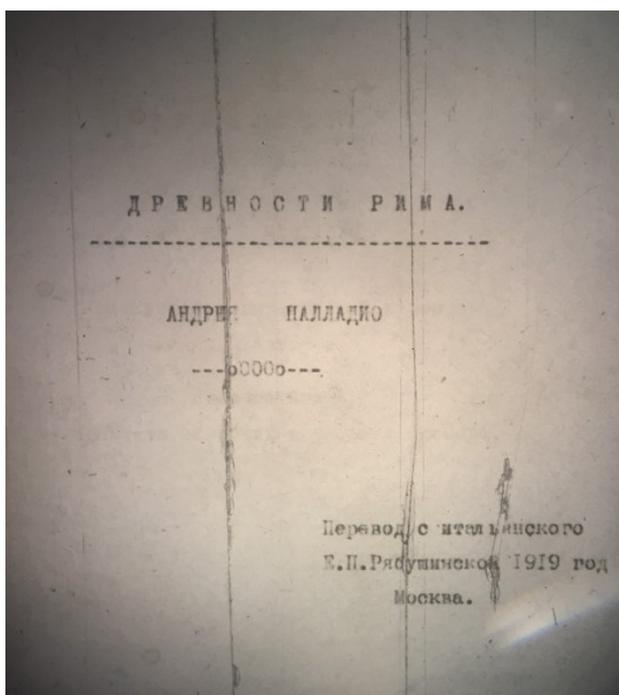

Рис. 3
Титульный лист перевода трактата А. Палладио «Древности Рима», выполненного Е.П. Рябушинской в 1919 году.

Жолтовского [Думова, 1992, с. 206; Петров, 1997, с. 125-126]⁶. Рябушинская практиковалась в живописи и графике, хотя известности на этом поприще не снискала⁷. О её работе в ГАХН также ничего не известно [Якименко, 2017, II, с. 831-917]. Существуют противоречивые указания на то, что она скончалась в эмиграции в апреле 1921 года [Незабытые могилы, 2005, с. 354] или в том же году, но в Москве [Филаткина, 2011, с. 408]. Стало быть, перевод был передан в ГАХН Жолтовским накануне поездки в Италию или сразу после возвращения. Интересно отметить, что, по свидетельству Н.М. Сегал (Рудник), второй экземпляр перевода «Древностей Рима» авторства Рябушинской оказался в архиве Е.Д. Шора, который, как мы знаем, в 1922 году навсегда покинул Россию.

Исходя из всего этого, можно с уверенностью заключить, что переводами трактатов Палладио в окружении Жолтовского занималась Е.П. Рябушинская, и происходило это в период активности «Studio Italiano». Его увлечённость Палладио представляется широко известной «вершиной айсберга», под которым надо понимать разностороннюю и почти не изученную деятельность московского кружка итальянофилов конца 10-х – начала 20-х годов. Это напоминает ситуацию в сфере архитектурной практики начала XX века, где Жолтовский, вопреки распространённому мнению, вовсе не был первооткрывателем Палладио, а выступал *наряду* с другими, преимущественно петербургскими, зодчими. Его «палладианство» странно считать исключительно персональной интенцией, как полагал С.О. Хан-Магомедов, рисуя образ Жолтовского как одинокого посвящённого [Хан-Магомедов, 2010, с. 42]. Во всяком случае, эта интенция органично вписывается в культурный контекст русского Серебряного века, со многими творцами которого Жолтовский, как мы видели, был связан узами личного общения. Он и сам был частью этой культуры – самым долгоживущим из архитекторов, ознаменовавших своим творчеством эпоху 1900-1910-х годов.

Феномен Жолтовского требует вдумчивого и непредвзятого исследования, важным условием

⁶ Союз этот, очевидно, не был формализован, поскольку законная супруга Жолтовского с 1900 года, Амалия Константиновна, проживавшая отдельно от него в столице, вплоть до 1917 года фигурировала в справочнике «Весь Петроград» как *жена академика архитектуры* [Весь Петроград, 1917, с. 244].

⁷ В РГАЛИ сохранилось датированное декабрём 1918 года прошение Елизаветы Павловны о зачислении её в ряды учащихся Свободных государственных художественных мастерских по классу офорта и живописи. В нём Рябушинская сообщает, что занималась рисованием и живописью в Строгановском училище и частных мастерских [РГАЛИ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 7686, л. 1 (в заголовке дела допущена ошибка: Рябушинская названа Елизаветой *Петровной*, хотя из текста прошения, как и из приложенной к нему выписки из метрической книги, вполне определённо следует, что речь идёт именно о Елизавете Павловне)].

которого должен стать отказ от оценочных интонаций и некритического воспроизведения «общих мест».

ИСТОЧНИКИ

1. Александр Георгиевич Габричевский: биография и культура: документы, письма, воспоминания: в 2 кн. / [сост. О.С. Северцева]. – Москва: РОССПЭН, 2011.
2. Бенуа А.Н. Дневник. 1908-1916. – Москва: Захаров, 2016.
3. Бюллетени ГАХН, 1927, № 6-7.
4. Бюллетени ГАХН, 1927, № 8-9.
5. Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. [Пг., 1917]. Отд. III.
6. Виолле-ле-Дюк, Е. Русское искусство. Его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность / пер. с фр. Н. Султанов; изд. Художественно-промышленного музеума. – Москва: Тип. А. Гатцука, 1879.
7. ГАРФ, ф. А2306, оп. 1, ед. хр. 1021.
8. ГАРФ, ф. А2314, оп. 7, ед. хр. 34.
9. ГАРФ, ф. Р3316, оп. 31, ед. хр. 91.
10. Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 15.
11. Жолтовский И.В. Опыт исследования античного мышления в архитектуре // Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской: в 2 т. – Москва: НЛЮ, 2017. Т. 2. – С. 541-542.
12. Львов Н.А. Четыре книги Палладиевой архитектуры, в коих по кратком описании пяти ордеров говорится о том, что знать должно при строении Частных домов, Дорог, Мостов, Площадей, Ристалищ и Храмов. – Санкт-Петербург: Тип. К. Шнора, 1798.
13. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 гг. в 6 т. Т. 6. Кн. 1. – Москва, 2005.
14. Палладио, Андреа. Четыре книги об архитектуре, в коих после краткого трактата о пяти ордерах и наставлении, наиболее необходимых для строительства, трактуется о частных домах, дорогах, мостах, площадях, ксидах и храмах: в 2 т. Т. 1. Текст трактата / пер. И.В. Жолтовского. – Москва: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1936.
15. Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор // Русско-итальянский архив III. Вячеслав Иванов – новые материалы. – Салерно, 2001. – С. 151-454.
16. РГАЛИ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 3147.
17. РГАЛИ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 3394.
18. РГАЛИ, ф. 677, оп. 1, ед. хр. 7686.
19. РГАЛИ, ф. 941, оп. 2, ед. хр. 8.
20. РГАЛИ, ф. 941, оп. 10, ед. хр. 27.
21. РГАЛИ, ф. 2028, оп. 1, ед. хр. 98.
22. РГАЛИ, ф. 2073, оп. 7, ед. хр. 34.
23. РГАЛИ, ф. 2423, оп. 1, ед. хр. 4.
24. РГАЛИ, ф. 2423, оп. 1, ед. хр. 163.
25. РГАЛИ, ф. 2774, оп. 1, ед. хр. 114.
26. РГИА, ф. 789, оп. 19, ед. хр. 1824.
27. Шуази О. История архитектуры: в 2 т. – Москва: Изд. гр. П.С. Уваровой, 1906-1907.
28. Щербатов С.А. Художник в ушедшей России. – Москва: Согласие, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектурная Москва: Ежегодник. Вып. 1. – Москва, 1911.
2. Архитектурные школы Москвы. Сборник 3. Педагоги и выпускники. 1918-1999. – Москва: Лады, 2002. – С. 5-12.
3. Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П. Жолтовский // Зодчие Москвы. Кн. 2. – Москва, 1988. – С. 48-60.
4. Багина Е., Хмельницкий Д. Переписка, 9 января – 6 июня 2011 года // Сиротство авангарда. Е. Багина, А. Раппапорт, Д. Хмельницкий. – Екатеринбург: TATLIN, 2016. – С. 479-559.

И.Е. Печёнкин, О.С. Шурыгина
 «Палладианский текст» в биографии И.В. Жолтовского

5. Бархин А.Д. Актуальное, ретроспективное и уникальное в творчестве И.В. Жолтовского 1930-1950-х годов // Academia. Архитектура и строительство. 2015, № 4. – С. 23-31.
6. Бодениатц Х., Пост К. Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР. 1929-1935 / пер. с нем. Е. Ефимовой, О. Титовой. – Verlagshaus Braun, SCIO Media, 2015.
7. Б.п. Жилой дом на Моховой. Новая работа И.В. Жолтовского // Архитектура СССР. 1934. № 6. – С. 19-23.
8. Габричевский А.Г. Иван Владиславович Жолтовский как теоретик архитектуры (опыт характеристики). – Москва, 1946.
9. Династия Рябушинских / текст и сост. Ю.А. Петрова. – Москва: Русская книга, [1997].
10. Дмитриев А. Впечатления от выставки «Архитектуры и художественной промышленности нового стиля» в Москве // Зодчий, 1903, № 9. – С. 115.
11. Думова Н.Г. Московские меценаты. – Москва: Молодая гвардия, 1992.
12. Зайцев Б.К. Сочинения: в 3 т. Т.3. – Москва: Терра, 1993.
13. Кларк К. Москва, четвёртый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931-1941) / пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. – Москва: НЛО, 2018.
14. Комолова Н.П. Италия в русской культуре Серебряного века. – Москва: Наука, 2004.
15. Комолова Н.П., Северцева О.С. Институт “Studio Italiano” в Москве // Италия и русская культура XV-XX веков / отв. ред. Н.П. Комолова. – Москва, 2000. – С. 181-192.
16. Лукомский Г.К. Новый Петербург (мысли о современном строительстве) // Аполлон, 1913, № 2. – С. 5-38.
17. Муратов П.П. Образы Италии: в 3 т. Т. II-III. – Москва: Галарт, 2005.
18. Ощепков Г.Д. И.В. Жолтовский. Постройки и проекты. – Москва: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1955.
19. Печёнкин И.Е., Шурыгина О.С. Архитектор Иван Жолтовский. Эпизоды из неписанной биографии. – Москва, 2017.
20. Северцева О.С. А.Г. Габричевский об Андреа Палладио // Италия и русская культура XV-XX века. – С. 193-202.
21. Сегал Н.М. Переписка И.В. Жолтовского и Е.Д. Шора 1923–1925 гг. как документ пост Серебряного века // Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе: материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 9 – 11 июня 2011 г.). – Москва, 2013. – С. 53-62.
22. Смирнов Г. Палладио. Семь философских путешествий. – Москва: Рипол-классик, 2018.
23. Указатель имён / Якименко Ю.Н., Плотников Н.С. // Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской; в 2 т. – Москва: НЛО, 2017. Т. 2. – С. 831-917.
24. Филаткина Н.А. Династия Морозовых. Лица и судьбы. – Москва: Изд. Дом Тончу, 2011.
25. Фирсова А.В. Творческое наследие И.В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века: Дисс. на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. – Москва, 2004. Т. II. Приложения.
26. Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. – Москва: С.Э. Гордеев, 2010.
27. Хмельницкий Д.С. Иван Жолтовский. Архитектор советского палладианства / при уч. А.В. Фирсовой. – Берлин: DOM publishers, 2015.
28. Якименко Ю.Н. Хронология деятельности Философского отделения ГАХН // Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской; в 2 т. – Москва: НЛО, 2017. Т. 1. – С. 313-437.
29. Acattoli A. Lo Studio Italiano a Mosca (1918-1923) nei documenti dell'Archivio del Ministero degli Affari Esteri Italiano // “Europa Orientalis” n. 32 (2013). P. 189-209.
30. Burger Fritz. Die Villen des Andrea Palladio. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Renaissance-Architektur. – Leipzig, 1909.

SOURCES

1. Aleksandr Georgievich Gabrichevskij: biografija i kul'tura: dokumenty, pis'ma, vospominanija [Alexander Gabrichevsky: Biography and Culture: Documents, Correspondens, Memoirs]: in 2 parts, [sost. O.S. Severceva]. Moscow, ROSSPJeN, 2011.
2. Benua A.N. Dnevnik. 1908-1916 [Diary, 1908-1916]. Moscow, Zaharov, 2016.
3. Bjuulleteni GAHN [State Academy of Artistic Science Bulletins], 1927, № 6-7.
4. Bjuulleteni GAHN [State Academy of Artistic Science Bulletins], 1927, № 8-9.

I.E. Pechenkin, O.S. Shurygina
“Palladian Text” in I.V. Zholtovsky Biography

5. *Ves' Petrograd na 1917 god: adresnaja i spravocnaja kniga g. Petrograda* [Entire Petrograd, 1917: Address Book]. [Petrograd., 1917]. Part 3.
6. Violle-le-Djuk, E. *Russkoe iskusstvo. Ego istochniki, ego sostavnye jelementy, ego vysshee razvitie, ego budushhnost'* [Russian Art. Its Sources, its Constituent elements, its Higher development, its Future]. Per. s fr. N. Sultanov; izd. Hudozhestvenno-promyshlennogo muzeuma. Moscow, Tip. A. Gatsuka, 1879.
7. GARF, f. A2306, op. 1, ed. hr. 1021 [The State Archive of Russian Federation, f. A2306, inv. 1, item 1021].
8. GARF, f. A2314, op. 7, ed. hr. 34 [The State Archive of Russian Federation, f. A2314, inv. 7, item 34].
9. GARF, f. R3316, op. 31, ed. hr. 91 [The State Archive of Russian Federation, f. R3316, inv. 31, item 91].
10. *Dom russkogo zarubezh'ja im. A.I. Solzhenicyna, f. 54, op. 1, ed. hr. 15* [Russian Abroad House named after A. Solzhenitsyn, f. 54, inv. 1, item 15].
11. Zholtovskij I.V. *Opyt issledovanija antichnogo myshlenija v arhitekture* [Experience in the Study of Ancient Thinking in Architecture]. In: *Iskusstvo kak jazyk – jazyki iskusstva. Gosudarstvennaja akademija hudozhestvennyh nauk i jesteticheskaja teorija 1920-h godov* [Art as a Language – Languages of Arts. State Academy of Artistic Science and aesthetic theory in 1920th]. Pod red. N.S. Plotnikova i N.P. Podzemskoj; in 2 vol. Moscow, NLO, 2017. Vol. 2. Pp. 541-542.
12. L'vov N.A. *Chetyre knigi Palladiovoj arhitektury, v koih po kratkom opisaniu pjati orderov govoritsja o tom, chto znat' dolzhno pri stroenii Chastnyh domov, Dorog, Mostov, Ploshhadej, Ristalishh i Hramov* [The Four Books of Palladio's Architecture, in which, after a brief treatise on the five warrants and instructions most needed for construction, treats of private houses, roads, bridges, squares, ksists and temples]. St Petersburg, Tip. K. Shnorra, 1798.
13. *Nezabytye mogily. Rossijskoe zarubezh'e: nekrologi 1917-1997 gg.* [The Unforgotten Graves. Russian Abroad: Obituaries, 1917-1997] in 6 vol. Vol. 6. Part 1. Moscow, 2005.
14. Palladio, Andrea. *Chetyre knigi ob arhitekture, v koih posle kratkogo traktata o pjati orderah i nastavlenii, naibolee neobhodimyh dlja stroitel'stva, traktuetsja o chastnyh domah, dorogah, mostah, ploshhadjah, ksistah i hramah* [The Four Books of Architecture, in which, after a brief treatise on the five warrants and instructions most needed for construction, treats of private houses, roads, bridges, squares, ksists and temples]: in 2 vol. Vol. 1. Per. I.V. Zholtovskogo. Moscow, Izdatel'stvo Vsesojuznoj Akademii arhitektury, 1936.
15. *Perepiska Vjacheslava Ivanova s Ol'goj Shor* [Correspondens between V. Ivanov and O. Shor]. In: *Russko-ital'janskij arhiv III. Vjacheslav Ivanov – novye materialy* [Russian-Italian Archive, 3. Vyacheslav Ivanov: New Materials]. Salerno, 2001. Pp. 151-454.
16. RGALI, f. 677, op. 1, ed. hr. 3147 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 677, inv. 1, item 3147].
17. RGALI, f. 677, op. 1, ed. hr. 3394 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 677, inv. 1, item 3394].
18. RGALI, f. 677, op. 1, ed. hr. 7686 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 677, inv. 1, item 7686].
19. RGALI, f. 941, op. 2, ed. hr. 8 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 941, inv. 2, item 8].
20. RGALI, f. 941, op. 10, ed. hr. 27 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 941, inv. 10, item 27].
21. RGALI, f. 2028, op. 1, ed. hr. 98 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 2018, inv. 1, item 98].
22. RGALI, f. 2073, op. 7, ed. hr. 34 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 2073, inv. 7, item 34].
23. RGALI, f. 2423, op. 1, ed. hr. 4 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 2423, inv. 1, item 4].
24. RGALI, f. 2423, op. 1, ed. hr. 163 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 2423, inv. 1, item 163].
25. RGALI, f. 2774, op. 1, ed. hr. 114 [Russian State Archive of Literature and Art, f. 2774, inv. 1, item 114].
26. RGIA, f. 789, op. 19, ed. hr. 1824 [Russian State Historical Archive, f. 789, inv. 19, item 1824].
27. Shuazi O. *Istorija arhitektury: v 2 t.* [History of Architecture: in 2 vol.]. Moscow, Izd. gr. P.S. Uvarovoj, 1906-1907.
28. Shherbatov S.A. *Hudozhnik v ushedshej Rossii* [An Artist in Bygone Russia]. Moscow, Soglasie, 2000.

REFERENCES

1. Acattoli, A. *Lo Studio Italiano a Mosca (1918-1923) nei documenti dell'Archivio del Ministero degli Affari Esteri Italiano*, “Europa Orientalis” n. 32 (2013), pp. 189-209.
2. *Arhitekturnaja Moskva: Ezhegodnik* [Architectural Moscow: Yearbook]. Issue 1. Moscow, 1911.
3. *Arhitekturnye shkoly Moskvj. Sbornik 3. Pedagogi i vypuskniki. 1918-1999* [Moscow Architectural schools. Collection 3. Mentors and graduates. 1918-1999]. Moscow, Lad'ja, 2002. Pp. 5-12.
4. Astaf'eva-Dlugach M. I., Volchok Ju. P. *Zholtovskij* [Zholtovsky]. In: *Zodchie Moskvj* [Moscow Builders]. Part 2. Moscow, 1988. Pp. 48-60.

И.Е. Печёнкин, О.С. Шурыгина

«Палладианский текст» в биографии И.В. Жолтовского

5. Bagina E., Hmel'nickij D. *Perepiska, 9 janvarja – 6 ijunja 2011 goda* [Correspondens, 9 January – 6 June 2011]. In: *Siroststvo avangarda. E. Bagina, A. Rappoport, D. Hmel'nickij* [The Orphanhood of Avantguard. E. Bagina, A. Rappoport, D. Chmelnizky]. Ekaterinburg, TATLIN, 2016. Pp. 479-559.
6. Barhin A.D. *Aktual'noe, retrospektivnoe i unikal'noe v tvorchestve I.V. Zholtovskogo 1930-1950-h godov* [Actual, Retrospective and Unique in I.V. Zholtovsky's Creative Practice of 1930-1950th]. In: *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Building]. 2015, № 4. Pp. 23-31.
7. Bodenshatc H., Post K. *Gradostroitel'stvo v teni Stalina. Mir v poiskah socialisticheskogo goroda v SSSR. 1929-1935* [Urbanism in Stalin's Shadow. The World in search of a socialist city in the USSR]. Per. s nem. E. Efimovoj, O. Titovoj. Verlagshaus Braun, SCIO Media, 2015.
8. B.p. *Zhiloj dom na Mohovoj. Novaja rabota I.V. Zholtovskogo* [The House in Mokhovaya Street. I.V. Zholtovsky's new work]. In: *Arhitektura SSSR* [USSR Architecture]. 1934, № 6. Pp. 19-23.
9. Burger, Fritz. *Die Villen des Andrea Palladio. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Renaissance-Architektur*. Leipzig, 1909.
10. *Dinastija Rjabushinskih* [Dynasty of Ryabushinsky]. Tekst i sost. Ju.A. Petrova. Moscow, Russkaja kniga, [1997].
11. Dmitriev A. *Vpechatlenija ot vystavki "Arhitektury i hudozhestvennoj promyshlennosti novogo stilja" v Moskve* [Impressions from the Exhibition of New Style Architecture and Industrial Art]. In: *Zodchij* [Architect], 1903, № 9. P. 115.
12. Dumova N.G. *Moskovskie mecenaty* [Moscow Patrons of Art]. Moscow, Molodaja gvardija, 1992.
13. Filatkina N.A. *Dinastija Morozovyh. Lica i sud'by* [Dynasty of Morosovs. Faces and Destinies]. Moscow, Izd. Dom Tonchu, 2011.
14. Firsova A.V. *Tvorcheskoe nasledie I.V. Zholtovskogo v otechestvennoj arhitekture XX veka: Diss. na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata iskusstvovedenija* [I.V. Zholtovsky's Creative Heritage in XX century Russian Architecture. Ph.D. dissertation]. Moscow, 2004. Vol. 2. Prilozhenija.
15. Gabrichevskij A.G. *Ivan Vladislavovich Zholtovskij kak teoretik arhitektury (opyt harakteristiki)* [I.V. Zholtovsky as an architectural theorist]. Moscow, 1946.
16. Han-Magomedov S.O. *Ivan Zholtovskij* [Ivan Zholtovsky]. Moscow, S.Je. Gordeev, 2010.
17. Hmel'nickij D.S. *Ivan Zholtovskij. Arhitektor sovetskogo palladianstva* [Ivan Zholtovsky. Architect of Soviet Palladianism]. Pri uch. A.V. Firsovoj. Berlin, DOM publishers, 2015.
18. Jakimenko Ju.N. *Hronologija dejatel'nosti Filozofskogo otdelenija GAHN* [The Chronology of Activity of the Philosophy Department at State Academy of Artistic Science]. In: *Iskusstvo kak jazyk – jazyki iskusstva. Gosudarstvennaja akademija hudozhestvennyh nauk i jesteticheskaja teorija 1920-h godov* [Art as a Language – Languages of Arts. State Academy of Artistic Science and aesthetic theory in 1920th]. Pod red. N.S. Plotnikova i N.P. Podzemskoj: in 2 vol. Moscow, NLO, 2017. Vol. 1. Pp. 313-437.
19. Klark K. *Moskva, четвртортјј Рим: stalinizm, kosmopolitizm i jevoljucija sovetskoj kul'tury (1931-1941)* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931-1941]. Moscow, NLO, 2018.
20. Komolova N.P. *Italija v russkoj kul'ture Serebrjanogo veka* [Italy in Russian Silver Age Culture]. Moscow, Nauka, 2004.
21. Komolova N.P., Severceva O.S. *Institut "Studio Italiano" v Moskve* ["Studio Italiano" Institute in Moscow]. In: *Italija i russkaja kul'tura XV-XX vekov* [Italy and Russian Culture, 15-20 centuries]. Otv. red. N.P. Komolova. Moscow, 2000. Pp. 181-192.
22. Lukomskij G.K. *Novyj Peterburg (mysli o sovremennom stroitel'stve)* [New St Petersburg, the Thinking on the Contemporary Building Practice]. In: *Apollon*, 1913, № 2. Pp. 5-38.
23. Muratov P.P. *Obrazy Italii* [Images of Italy], in 3 vol. Vol. 2-3. Moscow, Galart, 2005.
24. Oshhepkov G.D. *I.V. Zholtovskij. Postrojki i proekty* [I.V. Zholtovsky: The Buildings and the Projects]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arhitekture, 1955.
25. Pechenkin I.E., Shurygina O.S. *Arhitektor Ivan Zholtovskij. Jepizody iz nenapisannoj biografii* [Architect Ivan Zholtovsky: Episodes from Unwritten Biography]. Moscow, 2017.
26. Segal N.M. *Perepiska I.V. Zholtovskogo i E.D. Shora 1923-1925 gg. kak dokument post Serebrjanogo veka* [Correspondens between I.V. Zholtovsky and E.D. Shor, 1923-1925, as a document of post-Silver Age]. In: *Dialog kul'tur: "Ital'janskij tekst" v russkoj literature i "russkij tekst" v ital'janskoj literature: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 9 – 11 ijunja 2011 g.)* [Cultural Dialog: "Italian text" in Russian Literature and "Russian text" in Italian Literature: The Materials of International Science Conference (V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 9-11 June 2011)]. Moscow, 2013. Pp. 53-62.
27. Severceva O.S. A.G. *Gabrichevskij ob Andrea Palladio* [A.G. Gabrichevsky on Andrea Palladio]. In: *Italija i russkaja kul'tura XV-XX vekov* [Italy and Russian Culture, 15-20 centuries]. Otv. red. N.P. Komolova. Moscow, 2000. Pp. 193-202.

I.E. Pechenkin, O.S. Shurygina
“Palladian Text” in I.V. Zholtovsky Biography

28. Smirnov G. *Palladio. Sem' filosofskih puteshestvij* [Palladio. Seven Philosophical Travels]. Moscow, Ripol-klassik, 2018.
29. *Ukazatel' imjon* [Nominal Index]. Jakimenko Ju.N., Plotnikov N.S. In: *Iskusstvo kak jazyk – jazyki iskusstva. Gosudarstvennaja akademija hudozhestvennyh nauk i jesteticheskaja teorija 1920-h godov* [Art as a Language – Languages of Arts. State Academy of Artistic Science and aesthetic theory in 1920th]. Pod red. N.S. Plotnikova i N.P. Podzemskoj: in 2 vol. Moscow, NLO, 2017. Vol. 2. Pp. 831-917.
30. Zajcev B.K. *Sochinenija* [Collected works], in 3 vol. Moscow, Terra, 1993. Vol. 3.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Контртитул и титульный лист советского издания трактата А. Палладио «Четыре книги об архитектуре» 1936 года с указанием И.В. Жолтовского в качестве автора перевода.

Рис. 2. Карта путешествия И.В. Жолтовского по Италии 1920-х(?) годов.

Источник: РГАЛИ, ф. 2774, оп. 1, ед. хр. 114, л. 2.

Рис. 3. Титульный лист перевода трактата А. Палладио «Древности Рима», выполненного Е.П. Рябушинской в 1919 году.

Источник: РГАЛИ, ф. 941, оп. 2, ед. хр. 8, л. 33.